

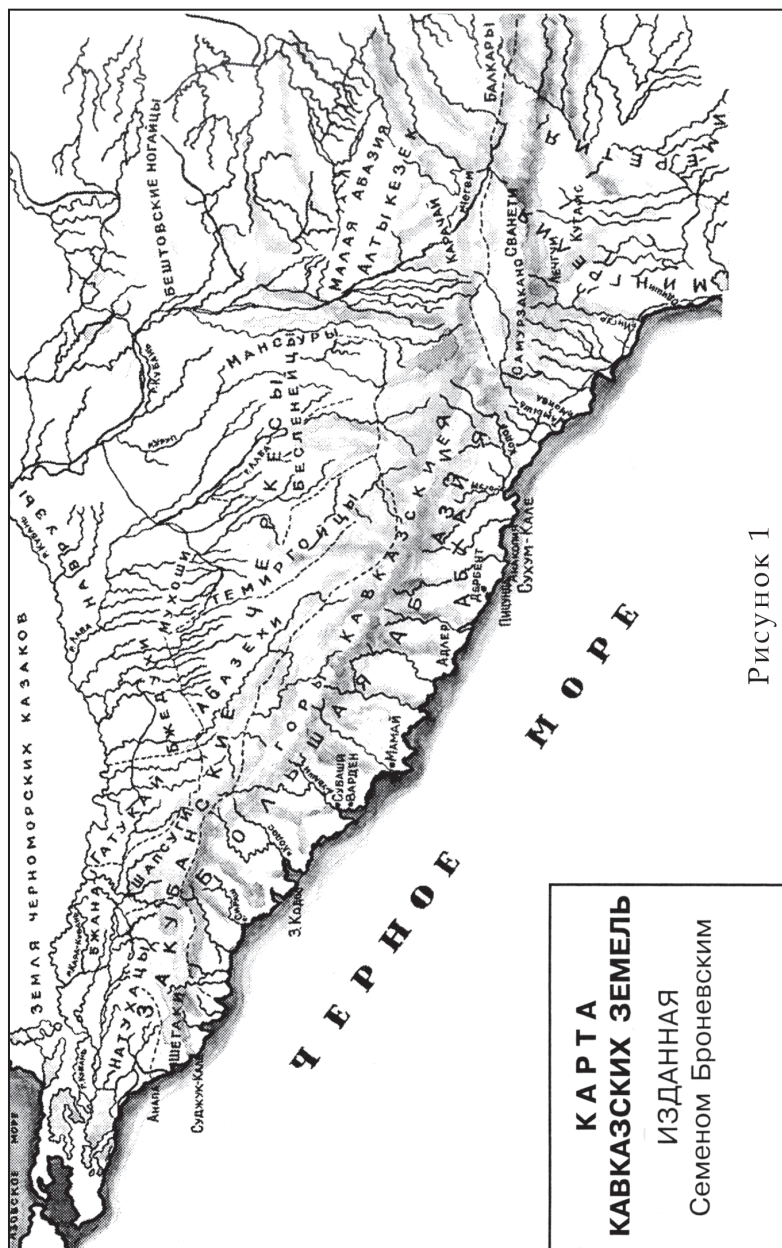
ЗАПАДНЫЕ АДЫГИ: СОЦИУМ И ПРОСТРАНСТВО

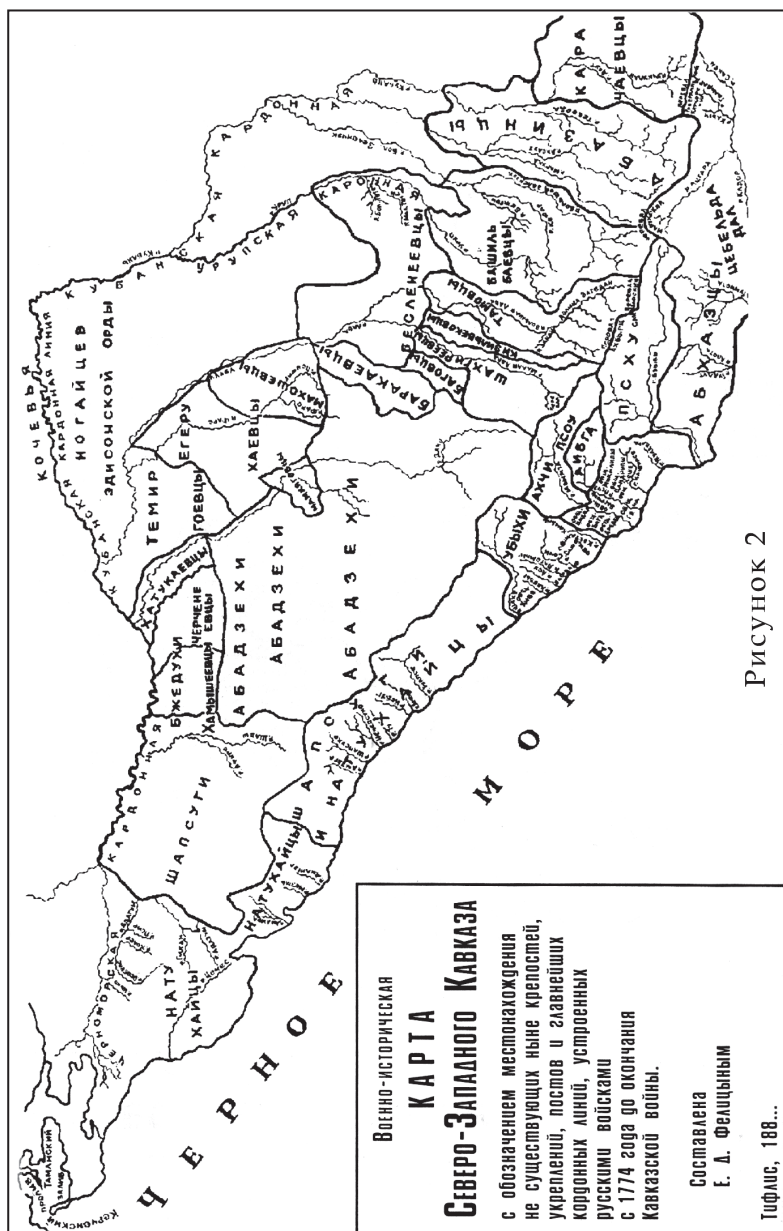
к. XVIII — первая половина XIX вв.

Общества западных адыгов неоднократно описывались российскими исследователями XIX–XX вв., среди которых представлены многие столпы отечественного кавказоведения. Их трудами и с отсылками на труды великих исследователей-кавказоведов определяется любой дальнейший шаг в рассмотрении социальных систем у западных адыгов. Обращение к этой проблематике без привлечения принципиально новых источников не принесет других фактических данных, но все же позволит, возможно, создать небольшой объем нового знания, если попытаться использовать чуточку иной ракурс рассмотрения проблемы. Стимулом для этой попытки явились два момента, обратившие на себя внимание при чтении исследований о социальной структуре западных адыгов: присутствующие признаки перехода одной адыгской общности в другую и достаточно четкие дефиниции членения пространства ареала западных адыгов, в котором эти группы существовали. Возникли размышления о наличии у западных адыгов не просто групп социумов (или «племен», как их называли в первоисточниках), а сложного сообщества, деятельность которого разворачивалась в жестких пространственных рамках.

Как писала Н.Г. Волкова, одни западно-адыгские племена уменьшились, потеряли политическое значение, другие, политическая роль которых в борьбе «демократических» и «аристократических» обществ, а также в период Кавказской войны усилилась, выросли и расширили круг своего обитания, третьи ассимилировались крупными адыгскими «подразделениями» [Волкова 1974: 16–17]. Имелись этносоциальные общности старого времени, ослабевшие и ассимилированные новыми, (жанеевцы, адалы, хегаки, хатукаевцы и др.), и общности нового времени, с конца XVIII — начала XIX в. численно выросшие и усилившиеся (темиргоевцы, бжедухи, абад-зехи, шапсуги и пр.).

Расселение западных адыгов в конце XVIII и первой половине XIX в. показано на рис. 1 и 2. Жанеевцы занимали сначала земли Большой Жане на Черноморском побережье от р. Пшада до Цемесской бухты включительно, а позднее, уйдя с Черноморья на северные

склоны, — Малой Жане по рекам Абину, Хаплю, Илю [Люлье 1857: 175; Волкова 1974: 17; Челеби 1979: 58, 75]. К началу 1770-годов жанеевцы (Бжанер) локализуются в низовьях р. Кубань у Каракубани вместе с хатукаевцами (Хатукеи) [Гильденштедт 2002: 234]. По Хан-Гирею, жанеевцы до 1778 г. «пользовались довольно большой самобытностью» и жили на правом берегу Кубани повыше Копыла. В 1787 г. жанеевцы, подчиняясь князьям Зановым, живут на левом берегу Кубани в шести селениях, в т.ч. по низовьям р. Адагум под управлением Мисоста Герай Заноко, сокращаясь до группы в 20–30 семей у Анапы на ручьях Пшец и Хохай, [Паллас 1974: 216, 223–224; Клапрот 1974: 243–244; Волкова 1974: 17].

Н.Г. Волкова полагает, что анапские жанеевцы и хегаки являются одной и той же группой. В 1830–1840-х гг. на Каракубанский остров по призыву Зановых перебираются оставшиеся жанеевские группы из района Пшады и других мест Закубанья. По архивным данным, отслеженным Н.Г. Волковой, тогда переселялись жанеевский владетель Шеретлук Бачкан (по Хан-Гирею, жанеевские князья Бечккан, один из родов правителей, в 1770 г. находились на правом берегу Кубани, где был и второй род — Ккомеоо [Хан-Гирей 1978: 198]), некие дворяне с р. Пшада, несколько шапсугских первостепенных узденей и натухаевских дворян первой степени [Волкова 1974: 18–19]. Упоминается о приеме натухаевцами части жанеевцев после их разгрома черноморскими казаками в 1802 г. [Бижев 1994: 73]. По Е.Н. Кушевой, сокращение численности жанеевцев объясняется их физическим истреблением [Кушева 1963: 136], по Н.Г. Волковой — ассимиляцией шапсугами и натухаевцами. [Волкова 1974: 19–20]. Хан-Гирей утверждал, что последние остатки жанеевцев собрались «в одном ауле, находящемся в Черченайском (бжедухи-черченеевцы. — В.Д.) владении на Пшише»; «сокрылось самобытное существование жанинцев» со смертью князя Неттахокка [Хан-Гирей 1978: 198]. М.В. Покровский жанеевцев считал общностью, близкой бжедухам, которые и ассимилировали большую часть жанеевцев [Покровский 1958: 92].

Адыгская группа хегаги, хехадчи, шефаки или шегаки локализовалась в XVII в. около Анапы, составив структуру из почти 40 единиц. В 1820-х годах они оставались здесь на территориях от рек Непсухо и Нехурай до слияния рек Цемез и Мысхако (современный Новороссийск). К. Главани упоминает, что хегаки населяли округ, примыкавший к Азовскому морю [Главани 1974: 160]. Очевидно, эти сведения необязательно означали, что они жили на северных, а не на южных окрестностях Тамани, но они опять указывают на низовья Кубани. Хан-Гирей писал, что хегаки жили по южной части устья Кубани и на Тамани, ими управляли три княжеских рода, один из которых владел хатукаевцами, а другой происходил от жанеевских

князей. Владением третьего рода являлась деревня хегаков, называвшихся в древности адале, эта деревня «называется в настоящее время, как и прежде, татарами Ада, а черкесами Хтук, каковы названия, означающие островитяне или просто остров» [Хан-Гирей 1978: 196–197]. Часть хегаков-зановцев, управлявшихся князьями Зановыми, ушла в начале XIX к темиргоевцам [Дебу 1829: 45]. Близость хегаков и жанеевцев прослежена Н.Г. Волковой по общему имени правителя Атвонака (Антонака), ею вслед за Г.Ю. Клапротом высказано предположение, что обозначение хегаки-шефаки является не этническим, а географическим названием, данным по близости к морю — *хы* (*хе*) [Клапрот 1974: 273; Волкова 1973: 1974: 20]. В определенной степени в самостоятельности хегакам отказывали и источники из адыгской среды. Так, Султан-Крым-Гирей в середине XIX в. называл их шапсугами и натухаевцами [Султан-Крым-Гирей 1865]. Хан-Гирей рассматривал вместе хегагов, жанеевцев и вепсинцев (т.е. ранних бжедухов, или племя, продолжавшее их линию и оставшееся связанным с Черноморьем), относя их к древним, которые «древними писателями названы *чихами* от слова *дчах*, под коим <...> черкесы разумели, как в древние времена, как и ныне, низовых жителей». Хегаки и вепсинцы во всем «согласовывались» с жанинцами [Хан-Гирей 1978: 196].

Географическим, очевидно, является и термин *адале*, обозначающий сложное по этническому составу население Тамани — лимана Кубани. Он восходит к слову, обозначавшему остров [Волкова 1974: 21–22]. Г. Новицкий отмечает, что они — «древние обитатели Таманского полуострова», которым было «дано название адалы, что по-татарски островитяне». Адале после взятия Анапы русскими войсками в 1791 г. переселились к темиргоевцам [Волкова 1974: 22]. Добавим, что относительно адыгов Таманского полуострова возникали названия «темрюкские», «атаманские», «адоховские», «адинские», применявшиеся к факультативным территориальным названиям групп черкесов, выделившихся из жанеевского племени [Асанов 1990: 90]. Вряд ли на небольшом пространстве Тамани размещалось столько социумов или этнических групп, по крайней мере, обилие экзотонимов не дает основания для такого предположения.

Долины рек Абина, Иля, Афипсиа, Убина называются территорией расселения хатукаевцев. Здесь они находились, согласно сведениям Челеби, в XVII в., а по сведениям Палласа — в 1790-х годах, причем Челеби эти земли называл Малой Жане [Челеби: 1979: 63–64]. Гильденштедт утверждал, что они жили вместе с жанеевцами на Кара-Кубани в 1771 г. [Гильденштедт 2002: 234]. Позднее сообщается, что хатукаевцы ушли на Фарс к темиргоевцам [Волкова 1974: 24], как и часть шефаков и адала. По сведениям Люлье, от хатукаевцев ушел к шапсугам род Гоаго [Люлье 1991:

74]. В 1830-х годах часть хатукаевцев жила рядом с темиргоевцами на Лабе и абадзехами на Белой. Они предполагали выселиться на Кубань, в период обострения Кавказской войны часть хатукаевцев уходила за Белую, возвратившись отчасти к Лабе, но основная масса расселилась на Кубани между станицами Ладожской и Тифлисской [Там же: 74]. Хатукаевцы, по ряду источников, являются частью племени темиргоевцев, его младшим ответвлением, названным так по имени властителя [Джованни де Лука 1974: 71; Хан-Гирей 1978: 176–177; Асанов 1990: 97].

Предковое имя темиргоевцев — Болотоковы (Болетекой — Болоткой) — и их возможный русский экзотоним «кумургинские черкесы» упомянуты в 1615–1625 гг. [Джованни де Лука 1974: 71; Кабардино-русские отношения 1957, т. I: 90; Асанов 1990: 97]. В 1616 и 1638 гг. есть упоминание «кунтуков», т.е., возможно, хатукаевцев. [Кабардино-русские отношения 1957, т. I: 99; Кушева 1957: 137–138]. Народные предания князя Хатукко называли младшим братом Болотоко.

В интерпретации Ш. Ногмова, в темиргоевском владении княжили Болотоко (эпоним темиргоевцев), Занн (эпоним жанеевцев) и Хотоккой (эпоним хатукаевцев) [Ногмов 1982: 78–79]. К темиргоевцам относил егерукаевцев, адамиевцев, собственно темиргоевцев и жанеевцев И.Ф. Бларамберг [Бларамберг 1974: 434].

С причерноморских земель, предположительно, началось движение бжедухов. В XVII в. они делились на абазских и черкесских, абазские находились в верховьях Мдзымты, а черкесские — в верховьях Белой [Брун 1877: 176; Челеби 1983: 52; Лавров 1965: 248]. Л.И. Лавров этническую историю бжедухов рассматривал как процесс очеркешивания абазинского населения Северо-Западного Кавказа вместе с их движением в северном направлении и с гор на равнину. Ю.Н. Асанов высказал предположение о том, что упомянутый в документе 1565 г. глава адоховских черкесов Пуштык-князь и вепсинский, по Хан-Гирею, князь Бастокко (при котором они, продолжая линию ранних бжедухов, продвинулись на север к реке Вепсне) относятся к одному княжескому роду, по их имени и возник этноним бжедухи [Асанов 1990: 108–109]. В XVII–XVIII вв. очаг обитания бжедухов оказывается на Псекупсе, Пшише, с тем чтобы в начале XIX в. совсем сместиться к месту впадения этих рек в Кубань [Волкова 1974: 32–34]. По преданиям, бжедухское население оттеснили с гор в равнинные районы Прикубанья абадзехи [Каменев 1867]. Часть бжедухов (живших смешанно с хатукаевцами) также переселилась к темиргоевцам, заняв участки по Белой от Курджипса до левого берега Кубани. В этом переселении «по взятии в 1807 г. Анапы <...> утесняемые абхазскими народами, участвовали шепсхуи (шапсуги?), мохоши, адалы, зановцы, атукайцы (хатукаевцы), бже-

духи» [Дебу 1829: 134]. И. Дебу указывает также, что, усилившись этими переселениями, темиргоевцы оттеснили «абхазов» в горы и расселились по равнинам. Имеющиеся источники рисуют темиргоевцев XVII–XIX вв. как федерацию, основанную на зависимости от темиргоевской владельческой фамилии князей Болотоковых социумов адамиевцев, егерукаевцев, мохошей и мамхегов. [Хан-Гирей 1978: 176–181; Волкова, 1974: 38–41]. Из них, может быть, егерукаевцы и мохошевцы являлись прямым ответвлением темиргоевцев [Челеби 1983: 72, 76; Асанов 1990: 94]. В тексте Хан-Гирея мохошевцы представлены племенем, названным по имени эпони́ма, сменившего более ранний, маркировавший разделение ранних бжедухов, после их переселения с Черноморского нагорья на северные склоны Кавказского хребта. При этом разделении возникают бжедухи-черченеевцы и бжедухи-хамышеевцы, а также вепсинцы, последние снова ушли к Черному морю [Хан-Гирей 1974: 177, 178–180; Челеби 1983: 69; Асанов 1990: 99–101]. Распад раннебжедужской общности выглядит принципиальным, если две ее части отказываются от родового имени, подкрепляя решение одна миграцией, другая — переходом в иной социум. Не исключается и возможность ассимиляции части бжедухов темиргоевцами или, точнее, ее присвоение кем-то из темиргоевских феодалов. Подобное присвоение произошло с адамиевцами [Хан-Гирей 1978: 185–186]. У темиргоевцев, на что особо обратил внимание Ю.Н. Асанов, имелись дворянские роды Дедтче и Напсекко-р, которые были тфокольскими (крестьянскими вольными) у шапсугов, и дворянский род Медядекко-р, аналогичный тфокотльскому роду у натухаевцев [Асанов 1990: 103–105]. Это говорит об общем родовом поле или о переселении части населения к темирогевцам. Общие роды имели на таких же началах хатукаевцы и натухаевцы (Брдье-р) и, возможно, мамхеговцы и абадзехи [Хан-Гирей 1978: 181, 202; Асанов 1990: 103–105]. Собственно темиргоевской территорией называются долины рек Лабы и Белой без их верховий. Правый берег Большой Лабы был границей с бесленевцами — самым восточным из западно-адыгских племен.

Темиргоевская общность, реализующая тенденцию к смещению в равнинную часть Закубанья, при этом выступает альтернативной для населения горной части Закубанья («абхазов», по И. Дебу) и особенно Черноморья, принимая при этом те группы, которые по каким-то причинам переселялись с Черноморья в Прикубанье. В первой половине XVIII в. темиргоевцы были еще горным племенем, «живя в крепких горах» [Кабардино-русские отношения 1957, т. II: 134], но уже создав социум на иерархически-федеративных началах.

В кавказоведении утвердилось понимание упомянутых «абхазов» как абазинского компонента западно-адыгских социумов, абазы средневековых источников [Лавров 1946: 165–166]. Термин «абаза»

прямо закреплён в названии социума абадзехи («абзах» — адыгск.), что значит «ниже абазцев» [Льюль 1857: 228–229]. Источники 1740-х годов и более поздние рисуют абадзехов динамично расширяющимся обществом. Первоначально они занимают верховья рек Белой и Лабы [Гильденштедт 2002: 234; Паллас 1794: 240]. К концу XVIII в. их земли расширяются до рек Фарса, Псефири, Пшехи, Пчаса, вытесняя из бассейна Псекупса местную группу бжедухов, а из Курджипис — егерукаевцев [Клапрот 1794: 240; Аутлев, Лавров 1964: 11], тем самым, надо полагать, укрепляя союз с темиргоевцами, с которыми абадзехи находились во враждебных отношениях. Сами абадзехи в преданиях колыбелью своей считали высокогорную область Туби на Пшехе, притоке Белой [Дьячков-Тарасов 1902: 3]. Абадзехи, как и темиргоевцы, были принимающим социумом. Упоминается, что эта общность выросла за счёт беглецов из других племен, взбунтовавшихся крестьян и абреков. Известны и случаи ухода крестьян от абадзехов к шапсугам [Льюль 1857: 228–229]. «У абадзехов племен считают до восьмидесяти, из коих главнейшие суть: Цей, Куб, Дзид, Хаток, Свюзе, Тлиш, Кукт, Кетаур и Бирица» [Льюль 1857: 232].

В источниках, созданных адыгскими авторами XIX в., адыгские племена делились на *адыге* и *абазу*, к абазе помимо абадзехов причислялись натухаевцы и шапсуги. Ту же группировку видели и русские авторы, транслируя представления адыгов об их внутреннем разделении.

Натухаевцы отмечаются с конца XVIII в. на Черноморье от р. Адагум до участков между Цемесским и Геленджикскими заливами [Волкова 1974: 30]. Паллас упоминает, что натухаевцы были во враждебных отношениях со всеми, кроме жанеевцев [Паллас 1794: 216, 224]. Н.Г. Волкова полагала, что данный факт может указывать на племенные связи натухаевцев с жанеевцами. Она обратила внимание и на совпадение (пространственное, но разделённое временем) мест расселения, с одной стороны — натухаевцев, с другой — жанеевцев и хегаков [Волкова 1974: 19–20, 30]. Н. Бларамберг объединял хегаков и натухаевцев [Бларамберг 1974: 228–229]. Напомним и о существовании последнего жанеевского князя Нетаххokka, упомянутого Хан-Гиреем. Рассказывая о родословной натухаевцев, он говорит о том, что оба рода Натххо и Нетдаххо жили в деревне, которую «так как род Натххо был многочисленнее, <...> называли Натххо-ккоадь, т.е. Натххова деревня» [Хан-Гирей 1974: 203]. В принципе это свидетельствует о родстве жанеевцев и натухаевцев. Но можно полагать, что речь шла либо о бывшем когда-то княжеском владении деревней (или областью?), названной по имени властителя и связанной с этнической историей натухаевцев, либо о присутствии в именнике жанеевских князей названия, ставшего позднее этнонимом, либо о том и другом одновременно.

Сведения 1740-х годов рисуют шапсугов, находящихся в горах в районе Белореченского перевала. Все более поздние источники указывают на два ареала их расселения: «Малый Шапсуг» на Черноморье от Пшады до Шахе и «Большой» — на Абине, Афиписе, Иле [Волкова 1974: 26–30]. На Черноморье они соприкасались с натухаевцами, с ними же была зона соприкосновения Большого Шапсуга через Главный Кавказский хребет по дороге, ведущей на Анапу. Через хребет по Белореченскому перевалу Малый Шапсуг контактировал с землей абадзехов.

Помимо того, что абадзехи, натухаевцы и шапсуги относились к абазе, они были еще горным населением в отличие от адиге, а также определялись как «демократические племена», тогда как адиге (бесленевцы, бжедухи, темиргоевцы, хатукаевцы, махошевы, мамхеговцы, егерухаевцы, жанеевцы и адамиевцы) считались «аристократическими» [Гарданов 1967: 126–127].

Существует представление, основанное на русских источниках и адыгских родословных, что ранними социальными объединениями западных адыгов были жанеевские и бесленевские княжеские общности [Асанов 1990: 85–93]. Есть версия о связи родового имени жанеевцев с пятигорскими черкесами (кабардинцами), не отрицающая связи названия общности с именем правителей Зановых [Сношения России с Кавказом 1889: XLIII; Половинкина 1999: 65–66]. Жанеевцы попадают в источники в XVI в., темиргоевцы и бжедухи — в XVII в., шапсуги, абадзехи, натухаевцы — во второй половине XVIII в.

В версии Ю.Н. Асанова этноним жанеевцев связывается с родовым именем правителя Заноко («сын Зана»). Л.И. Лавров обратил внимание на наличие на итальянских картах 1318, 1320, 1327 годов в районе Туапсе населенного пункта Саня, связав его с названием племени санигов античных источников и предположив, что жанеевцы являлись древнейшим адыгским племенем, переселившимся из Абхазии сначала в район Туапсе, а затем к низовьям Кубани [Лавров 1965: 250].

Не имея возможности подтвердить или отвергнуть гипотезу о переселении жанеевцев на север, что не противоречит представлению о тенденции смещения к низовьям Кубани племен «аристократических», нельзя не обратить внимание на маркировку этнонимом Зан (Сан) Черноморья в широком географическом диапазоне. Известно, что и в середине XIX в. сохранялись претензии фамилии Зановых на представительство от всего черноморского адыгского населения как якобы подвластного этим князьям. [Фелицын 1904: 17–19]. Это делалось перед лицом Османского правительства, т.е. с явной апелляцией к прошлому опыту династических связей и восприятию положения на Кавказе. Адыгские родословные также хранили память о подчиненности Черноморья, включая шапсугов, Зановым.

Люлье отмечал, что у натухаевцев и шапсугов были «княжеские и дворянские фамилии. <...> Княжеский род был у этих народов, но впоследствии, как надо полагать, пресекался» [Люлье 1857: 233]. Также считал и Карлгоф: «Еще не в весьма отдаленные времена [шапсугский и натаухайский народ] управлялся князьями и дворянами» [Гарданов 1974: 130]. Как писал Сталь, «одни только шапсуги не взяли названия от управляющего ими Заноко, четвертого сына Инала» [Сталь 1910: 65–67]. (По варианту родословной, у Инала было четыре сына: Темрюко — родоначальник темиргоевцев, Беслан — бесленевцев, Заноко — жанеевцев, и Капарт — кабардинцев.)

Исследования В.К. Гардановым общественных отношений у адыгов привели его к представлению о том, что до социальной революции конца XVIII в. социальный строй аристократических и демократических племен не имел принципиального различия. [Гарданов 1967: 127–129]. Между тем такой осведомленный историограф, как Хан-Гирей, говорил о наличии дворянства у демократических племен, но о княжеском сословии не упоминал. В его тексте речь шла только о взаимной борьбе крестьянских и дворянских сословий. Это тем более странно, что в русских источниках есть сведения о княжеском владении на Черноморье, а о природном черкесе из княжеского сословия хануко бжедужского социума — нет. Очевидно, дело не только в противопоставлении «аристократических» социумов «демократическим», но и в том, что и шапсуги, и натухаевцы, если и были ранее подчинены жанеевскому княжескому роду, то по-другому, чем жанеевцы и хегаки.

Состояние политического переустройства абадзехов, натухаевцев и шапсугов Хан-Гирей связывал с установлением у них соприсяжничества. По его мнению, «следствием этого соприсяжного собратства в племенах абадзахском, шапсугском и натаухоккоадском до основания разрушилась самобытность владений вепсского, ххеххадьского и жанинского», поскольку крестьяне бежали от владельцев в аристократических племенах к соприсяжникам в демократических, а феодалы («владельцы их») «рассеялись по всей Черкессии» [Хан-Гирей 1978: 212–213]. Эмоциональный посыл этой цитаты вполне понятен: разрушилось, с позиции автора, древнее состояние, испокон веков установленный порядок, наступило новое время, новые социумы стали его приметой. Вряд ли можно считать, что произошла прямая замена одних «племен» на другие, что означало бы сохранение все-таки преемственности, но жанеевцев и натухаевцев можно считать находящимися в последовательной связи, хотя бы и не непосредственно прямой, в генезисе шапсугов и абадзехов процесс преемственности был более революционен.

Учитывая опыт изучения этносоциогенеза адыгских общностей и сложившиеся концепции описания процесса, можно предложить

такую схему общественного устройства западно-адыгских племен до революционного переворота XVIII в.

Исходным состоянием социогенеза к середине XVI в. было наличие кабардинской, бесленеевской и жанеевской («жажаньской» в начальных русских источниках) общностей.

1. Древним термином Сания — саниги как обозначением «жажаньской» — жанеевской общности маркировалось в прошлом население черноморского побережья от Тамани до Абхазии, какой бы сложности эта общность не была.

2. «Низовые черкесы» и жители горной полосы Северо-Западного Кавказа составляли две общности, противопоставленные в том числе и внутри жанеевского единства до решающего их противостояния на поле Бзюкской (Бзюко-Зауо) битвы. Это различие можно представить в виде дихотомии «аристократический» — «демократический», «адыхе» — «абеза», житель равнины — горец, жанеевцы, хатукаевцы, вепсинцы, с одной стороны или абадзехи, натухаевцы, шапсуги — с другой. Формой противостояния была и вражда абадзехов и темиргоевцев в XVIII–XIX вв., шапсугских тфокотлей и бжедухских дворян.

3. Наименования адыгских социумов XVI — первой половины XVIII в. отражают историю усложнения социальной структуры «низовых черкесов», выросшей из процесса дробления феодальной верхушки жанеевцев. Появление «демократических племен» указывает на распад жанеевской общности древности и средневековья и выход из-под власти Зановых шапсугов и натухаевцев.

Одним из наиболее ярких фактов социальной истории западных адыгов является не столько выделение из жанеевской общности средневековья сменивших ее социумов низовых черкесов (бжедухов, темиргоевцев и пр.), сколько то, что темиргоевцы в этом процессе приняли на себя значение основного равнинного социума адыгов и в этом качестве стали принимающей стороной для переселенцев из других социумов «аристократической» организации западных адыгов. Источники даже указывают жанеевцев и хатукаевцев как часть темиргоевцев. Хатукаевцы, отделившиеся от темиргоевцев, объявляются родоначальниками хегаков, но хегаки учитываются и как часть жанеевцев. В то же время жанеевцы вместе с хегаками (и вепсинцами), по Хан-Гирею, названы самыми древними адыгскими народами Причерноморья, а хатукаевцы — подчиненными княжескому роду, последним членом которого был Сефербей, «взятый военнопленным при покорении крепости Анапы», поставленный Хан-Гиреем первым в списке княжеского рода Зановых.

По темиргоевской родословной Люлье версия той же связи представлена несколько иначе. «Темиргой, Хатукайцы и Хегаки имели общего родоначальника *Балеток*, который разделил владения свои

между тремя сыновьями: Айтекок получил в удел *Темиргой* (*Кем-гуй*), Хатиок дал полученному им уделу свое имя *Хатукаи*, Занок владел уделом *Хегайк*. Княжеские дома эти признают и ныне узы родства, их соединяющие. Потомок этой фамилии Карабатыр жил между Натухажцами; отец же его, Сефербей, после занятия крепости Анапы в 1828 г. выехал в Турцию» [Людье 1857: 233].

Начальное упоминание жанеевцев и темиргоевцев в русских источниках разделено не столь большим временем, чтобы ставить эти объединения в какое-то соотношение. Можно полагать только, что жажанцы-жанеевцы отличались большей древностью. Общее поле взаимодействия жанеевцев и темиргоевцев — приустьевая часть Кубани вместе с Таманским полуостровом и прилегающей частью правого берега Кубани. Эта земля обозначалась «остров-побережье» или «адале-хтук», ее жители могли называться хегаками или иметь и другие названия. На них в разное время могли распространяться названия жанеевцев, хатукаевцев, натухаевцев. Местность «Адале» имела большое значение в истории двух самых знаменитых адыгских «аристократических племен», наследников древней общности, названной Хан-Гиреем «дчах», родоначальников низовых черкесов. Собственно, существование «адихе» можно объяснить значением Нижней Кубани и Тамани в ранней истории адыгов. Как показал А.В. Гадло, Адале на рубеже 2 тыс. н.э. при распаде Хазарского каганата явилось частью района образования средневекового адыгского государства [Гадло 1994: 82–94]. Одним из правителей древних адыгов Причерноморья и Прикубанья был полуполюгендарный Инал, считавшийся предком всех княжеских социумов Адыгеи и Кабарды [Там же: 23–26]. Существование этого государства в историографии Восточной Европы отмечено источниками, относящимися к Тмутаракани — восточно-славянско-адыгскому этнополитическому образованию с центром в одноименном городе [История народов... 1988: 147]. То, что с 1094 г. город Тмутаракань не упоминается в русских источниках, означало не исчезновение центра, а изменение его формата, ухода из русской истории, но не адыгской или понтийской. В 1230-х годах европейские источники показательно совмещают Тамань и Зихию [Юлиан 1974: 31]. В XIII–XIV вв. здесь располагалась Зихская епархия Византийской церкви, в XV–XVI вв. местные династии взаимодействовали с возникшими на Тамани генуэзскими колониями, после захвата Приазовья турками-османами местные князья вписались в Османскую иерархию. Хан-Гирей сообщает о хегаком князе Бечмрзе Бхгезинова дома (т.е. отрасли жанеевских князей), служившего в турецком войске, и хегаках, живших при османах в Тамани и около Анапы [Хан-Гирей 1978: 196–197].

В свете этого можно полагать, что указание на владение землей Адале, владычество над хегаками или включение происхождения

хегакских князей в родословную своих правителей означало и претензии на наследие средневековой адыгской государственности, на легитимизацию роли жанеевских (Зановых князей) или темиргоевских (Болотоковых). Приоритет был за фамилией Зановых, так как в адыгской среде, по сведениям Хан-Гирея, «предков тчемиргойского колена почитают пришельцами» [Хан-Гирей 1978: 176].

В имеющихся сведениях о жанеевцах говорится либо в прошедшем времени, либо как об остаточных группах некогда мощного социума, что не позволяет выявить структуру их внутренней организации и тем более определить, в каком отношении находились они и племена шапсугов и натухаевцев, сменивших жанеевцев в источниках конца XVIII — XIX вв. Жанеевцы XIX в. были и умирающим социумом, и «племенем», равноположенным в описаниях другим племенам. Описатели, зафиксировав информацию о наличии общности своей территории пребывания и собственном имени, только выделили общность. В начальном же тексте ничего не говорится об этнических признаках. Так, Хан-Гирей, предвзято описывая адыгских общностей, делил их на *владения* (в эту категорию включались все так называемые «аристократические» племена) и *племена* («демократические»: абадзехи, шапсуги и натухаевцы). Во «владениях», расположенных на равнинах, жили всегда «деревнями», их обитатели, управляемые князьями и дворянами, «разделенными на партии, вечно враждующие между собой» «часто переселяются с одного места на другое». Указывалось, что племена, имеющие народное правление, «живут рассеянно усадьбами, <...> без величайшей нужды не переселяются». Хан-Гирей употребил относительно жанеевцев и хегаков еще и термин «колено» (относительно дисперсно расселенных абазинских малочисленных общностей — «колена, обитающие между черкесами» — это означает небольшую раздробленную общность [Хан-Гирей 1978: 149–150]). Очевидно, жанеевцы как владение и жанеевцы как колена являются различными социумами, с самостоятельной хронологической привязкой и разным пространствам существования.

Жанеевцы-«колена» — численно быстро сокращающаяся общность конца XVIII — первой четверти XIX в. Ее составляют несколько групп, входящих во владение фамилии князей Зановых, рассеянных от Тамани до Пшады. Под руководством вымирающей ветви княжеской фамилии они собираются вместе и теряют имя со смертью владельца, затем они растворяются в среде бжедухов-черченеевцев. Представитель фамилии Зановых, знаменитый Сефер-Бей, представляет в Османской империи не от жанеевцев-«колена», а от «виртуальной» в XIX в. общности жанеевцев-«владения». На Кавказе ему воздавались почести как представителю старейшего княжеского западно-адыгского рода, но реальной власти у него не было, как не было земли и подданных. Сефер-бей большую часть жизни провел в

Турции, и при его появлении на Кавказе у горцев сразу родилось подозрение, что он готов к осуществлению идеи восстановления древних прав князей и дворянства [Фелицын 1904: 79–80].

Жанеевцы-«владение» — сложная феодальная структура, некогда имевшая под властью Черноморское побережье до границ Убыхии и Абхазии с ядром на той территории, которая потом сохранила присутствие жанеевского «колена». Можно предположить, что многие княжеские династии западно-адыгских социумов были ранее связаны с домом Зановых, однако к концу XVIII в. они были переориентированы на темиргоевский княжеский дом. Относительно рано состоялся выход за пределы Жанеевского владения бжедухской общности.

Крах жанеевского владения можно связать с выходом из подчинения «племен». По сведениям Платона Зубова, это событие произошло в 1769 г., когда шапсуги, абадзехи и натухаевцы вышли из-под управления князей [Зубов 2001: .27]. Сведения Хан-Гирея позволяют считать произошедшее событие не единовременным актом, так как шапсуги к «народному управлению» перешли раньше натухаевцев, а у последних о наличии князя сообщалось и в первой четверти XIX в.

Источники не рисуют социальной структуры жанеевского владения. Однако можно предположить, что структура темиргоевского социума была близка к структуре жанеевского владения (если не скопирована с нее). В случае темиргоевцев наблюдается общество, управлявшееся старшей княжеской фамилией, с которой ассоциировались другие знатные фамилии, часть из них была в стадии перехода от статуса младших князей (егерукаевцы, мохоши, мамхеги) к статусу первостепенных дворян (адамиевцы, управлявшиеся дворянами Декузнечко-р).

Сходно выглядит кабардинский социум, структура которого рассмотрена и описана настолько подробно, что может быть признана сопоставительной моделью для понимания структуры жанеевского и темиргоевского владений. Данная модель была построена В.К. Гардановым и представляет следующую иерархию.

Верховным лицом являлся князь — пши. Вблизи княжеского жилья находится аул князя (*пшеуна-халь*), там живут его крестьяне и вольноотпущенники, а также подвластные князю «вольные жители». Земли могли находиться и в индивидуальном, и в общесемейном владении княжеского рода [Гарданов 1974: 145]. Князь был владельцем непосредственно подвластных ему деревень, тогда о нем говорили как о *куадже-пши* («князь селения»), и пространства, в котором земельной собственностью обладали его вассалы и подданные, в этом случае его называли *чилле-пши* («князь народа») [Сталь 1910: 142]. Князя присвоили себе право

на разрешение производства земледельческих работ, что сродни функции древневосточных царей-жрецов, определявших время начала сельскохозяйственного цикла. Они регулировали пользование земельными угодьями, находящимися в общинном владении (покосы, пастбища, леса), тем самым выступая гарантами сохранения целостности общинного пространства. Они же имели право полного распоряжения теми землями, которые не использовались в хозяйстве подвластных слоев населения. Пши были защищены от насилия со стороны всех, но имели право на его безграничное применение к подданным и привлечение последних на насильственные действия по отношению к соседям. В управлении подданными имела большое значение постоянная угроза наказания за оскорбление княжеской чести, по большей части мнимое. Основным признаком княжеского достоинства можно в результате считать высокую харизматичность, граничащую с сакрализацией, что позволяло князьям осуществлять абсолютную власть в подвластном пространстве, имея в непосредственном владении небольшие территории. Сила князя определялась также количеством собираемых вооруженных людей, какими были все дворяне и свободные крестьяне на подвластном пространстве. Еще одним мерилom был размер стад домашних животных, входивших в имущество княжеских фамилий.

Следующую после княжеского сословия ступень составляли дворяне высшей категории, *уорки* первой степени, в кабардинской среде называемые *тлекотлеш* и *деженуго*. Права первостепенных дворян, по свидетельству Хан-Гирея, «равняются в иных случаях с правами, присвоенными княжескому достоинству» [Хан-Гирей 1989: 158]. По выражению К. Сталя, тлекотлеш, кроме уважения к особе князя, не несет по отношению к нему никаких обязанностей [Сталь 1910: 149]. По древнему обычаю князья Кабарды могли укрываться у тлекотлешей, становясь недоступными для других кабардинских князей [Гарданов 1967: 191–192]. Первостепенные дворяне имели землю в наследственном владении, как князья, и создавали фамильную и семейную земельную собственность и пространство, в котором землей владели зависимые от них дворянские и крестьянские фамилии, но обеспечивалась доминанта уорков первой степени. Первостепенные дворяне могли владеть землей в пространствах владений разных князей [Там же: 140].

Ниже первостепенных дворян находилось еще несколько ступеней уорков. В своей массе они считали своим сюзереном князя, но была категория уорков-шаутлугусов, признававшихся сюзереном только первостепенных дворян. Все уорки были земельными собственниками, подчиняясь сюзеренам по обычаю («по доброй воле») и получая от них в обеспечение верности набор из вещей и скота, для первостепенных уорков выделялся еще и земельный надел. Они име-

ли право на применение оружия к подобным себе или нижестоящим на общественной лестнице, других привилегий, согласно обычаю, у них не было.

Современники отметили, что в образе жизни различие между феодалами и крестьянами было в том, что первые «ездят на звериную ловлю и добычу в соседние земли», вторые «занимаются сельскими работами», не делая при этом акцента на подчиненность вторых первым [Броневский 1823: 133].

Сословие крестьян состояло из нескольких групп. Основную массу образовывали тфэкълІ — тфокотль (адыгейск.) или лъэхукъу-элІ (кабард. «рожденный от мужчины»), крестьяне-общинники, лично свободные. В.К. Гарданов отметил, что в источниках XIX в. тфокотлей причисляли и к крестьянам и ставили в промежуточное положение между дворянами и зависимыми крестьянами [Гарданов 1967: 198–199]. По легендарной родословной, приведенной К. Сталем, князья и дворяне были потомками князя Аче, а от брака его брата князя Чаче на крестьянке (сословие тума) происходили тльфокотли и уорки-шаутлегусы. В адыгском мире Кавказа конца XVIII — XIX в. в пределах своего сословия тфокотли образовывали группы, находившиеся в различном положении к своим соседям по феодальной иерархии. У западных адыгов, относимых к категории «демократических племен», как известно, некоторые крестьянские роды приравнивались к дворянским родам в соседних «аристократических племенах». В кабардинском социуме, напротив, был велик удельный вес тфокотлей, связанных присягой, т.е. формой закрепощающей их личной зависимости [Леонтович 1882, т. I.: 148; Анчабадзе 1956: 203; Гарданов 1967: 215–219]. Тфокотльское сословие дифференцировалось, частями оно закрепощалось, частями сохраняло положение самостоятельной семейной общины, частями могло претендовать на паритетные отношения с дворянскими семейными общинами, как это было у абадзехов и шапсугов.

Категория закрепощенных крестьян распадалась в адыгском обществе на огов (-Iegu — кабард. «двор», т.е. не обладавших своим хозяйством и пространством в земельных угодьях) и лагунапытов (лъгъунэпыт — «принадлежащий ко двору», т.е. уже не имевших свойств самостоятельности). Эти группы населения были лишены социальной субъектности во всем адыгском мире. Совсем низкий статус имели безземельные работники, полностью утратившие личную свободу, когда их захватили в плен, превратив этим в рабов. Для всех сословий, кроме унаутов, существовала земельная собственность на семейно-родственной основе, для лагунапытов и огов — пользование, для феодалов всех уровней — владение: для пши и первостепенных уорков — наследственно-безусловное, для остальных категорий уроков — наследственно-условное и на условии вассальной службы.

В сословии дворян могли быть и безземельные уорки. Земельная собственность тфокотлей имела более аморфный характер, неся в себе в зачаточном виде принципы владения и пользования. Можно прийти к заключению о приоритетности владения пространством над владением землей, ее населением и ее продукцией, причем не только адыгского нобилитета [Сивер 2003: 17], но и тфокотлей. Имело значение, в чьем распоряжении находились земельные угодья вне пахотных земель. Распоряжением ими отличались общины тфокотлей, приравнивавшихся к дворянам, в отличие от зависимых общин, уже утративших право свободного пользования покосом или лесом.

Важной характеристикой адыгского сообщества свободных и относительно свободных семейных коллективов было наличие у них собственного пространства, в социальном и в физическом смысле. Социальное пространство было, безусловно, соподчиненным, его очаги, принадлежавшие нижестоящим по общественной лестнице, включались в очаги находившихся выше. Физическое пространство общин разных сословий сосуществовало в более разнообразных формах: оно могло входить одно в другое на тех же принципах, могло соседствовать так, что очаги пространства свободных крестьян, не сливаясь друг с другом, были раскиданы в социальном пространстве феодала или концентрироваться на его периферии.

Социальная структура, инвариантная для адыгского мира Кавказа, очевидно, существовала и тогда, когда жанеевские князья имели власть в пространстве, в котором располагались уоркские и тфокотльские усадьбы шапсугов и натухаевцев, т.е. до 1769 г. В кабардинском княжеском социуме (точнее в кабардинских княжеских социумах) социальное доминирование дворян над тфокотлями было развито достаточно сильно. Произошло это благодаря тому, что земли тфокотлей были рассеяны в пространстве пши-уорков. В Причерноморье и горном Закубанье крестьянские общины образовывали неразделяемую зону, соседствующую с теми участками, в которых была более крепка княжеская власть. Немаловажное значение в укреплении самостоятельности общинного хозяйства горно-лесистой зоны Западного Кавказа имело то, что общины здесь были привязаны каждая к отдельной речной долине (осваивали ее усадьбным хозяйством). В такой системе оторвать пахотные угодья от пастбища и леса невозможно, поскольку все виды освоения природных ресурсов и социальной деятельности проходят в едином пространстве. Покорение таких участков пространства возможно только с физическим истреблением жителей, что подтверждает опыт Кавказских войн XIX–XX вв.

Если признать, что пространство жанеевского владения первой половины XVIII в. включало и горные районы Причерноморья и Прикубанья, жанеевское владение представляется еще более слож-

ным. Часть его территории, где княжеская власть была особо заметна (Большая Жане от низовий Кубани до р. Пшады на побережье и верховья рек в Малой Жане на Прикубанских склонах), вследствие чего жанеевцы стали известны в исторических источниках, служила пространством для социума, который можно описать по «темиргоевской» модели. В этом пространстве видна зона непосредственных владений князей рода Зано и его аффилиаций, точнее дисперсно разбросанных аулов княжеского владения — «пшеуна-хабль», сходных с описанными на кабардинском материале.

Следующим уровнем реализации княжеской власти жанеевских князей являлся их «домен», по традиции закрепленный за ними от времени Тьмутараканского княжества, хотя их права на побережье от низовий Кубани до Анапы были оспариваемы темиргоевскими князьями. Относительная самостоятельность населения «домена» обозначается термином хегаки и т.п. названиями его. В то же время хегаки были подчинены Зановым через вассальную зависимость их княжеской фамилии. Данное обстоятельство дает повод еще раз поставить вопрос о сакральной функции верховных князей в социополитической жизни адыгского сообщества и концентрации регулятивных функций в категории младших князей и первостепенных уорков.

В недрах «хегакского» домена Зановых существовала некая общность, связанная особым отношением с домом Зано, очевидно, какая-то ассоциация тфокотльских общин горцев района между р. Пшадой и Анапой. С крушением жанеевского владения она обозначилась как натухаевцы. Однако с юга по побережью между р. Пшадой и Анапы в начале XIX в. отмечаются и шапсуги. Прослежено, что натухаевцами стала именоваться часть черноморских хатукаевцев, а хатукаевская территория на Прикубанских склонах по рекам Абин, Иль, Афипсип прочно стала именоваться Большим Шапсугом. Те же, кто остался верен старому устройству, ушли к темиргоевцам. Эти указания на распад хатукаевской общности позволяют отнести их в прошлом также к жанеевскому княжескому сообществу.

Натухаевская общность вместе с шапсугами и абадзехами относится рядом авторов к абзиноязычному населению (абаза), ассимилированному адыгами в языковом отношении. Расшифровка топонима Анапа служит свидетельством наличия абазино-абхазского населения в прошлом вблизи от Приазовья [Коков 1974: 136–137]. Если продолжать эту тему, можно предположить, что фоном процесса ассимиляции явилось наличие Жанеевского владения, в котором суперстратное воздействие адыгской культуры осуществлялось по побережью на юг вместе с политическим воздействием от южного Приазовья, низовий Кубани и Тамани.

К югу от Пшады власть дома Зано осуществлялась на принципах союза с горскими обществами, который существовал, очевидно, в силу также некогда установившейся традиции, возможно, восходящей еще ко временам исторического Инала. На то, что земли на Черноморье были подконтрольны Жанеевскому князю, указывает Э. Челеби, сообщая о конфликтах жанеевцев с садаша-абхазами, т.е. с садзами, жившими южнее шапсугов [Челеби: 1983: 63]. Можно предположить, что воздействие феодальной Жане на горную Шапсугию и Абадзехию объяснялось возможностями контроля первой над собственнo прибрежной полосой Черноморья, источником престижного импорта и местом, где сбывались продукты местного производства и особенно превращенные в рабов пленники. Если привлечь в качестве аналогии практику обращения абхазских князей с горскими обществами, то можно предположить существование контроля князей над пастбищами и скотопрогонными маршрутами по тому способу, который был в феодальной Абхазии в близкой природной и социальной среде Причерноморья. В качестве моделей данного сообщества могут быть взяты различные исторические примеры, как отношения Древнего Рима и конфедератов-варваров, правительства США и индейских племен в XIX в. и — ближе — феодальных ханств и «вольных обществ» Дагестана.

Нельзя отказываться от версии, что в средние века феодальная структура жанеевского владения была полной в смысле наличия связи князей и дворян и в той части, которая относилась к горам южнее Пшады (жанеевские князья имели вассалов в числе местного дворянства). Во всяком случае, такая связь была даже в 1840-х годах, когда, как упоминается выше, к жанеевцам переселяются несколько семей из самой значимой шапсугской дворянской фамилии Абат. Другая фамилия того же ранга — Шеретлук — упоминается как часть имени жанеевского князя Шеретлук-Бачкан [Волкова 1974: 18–19]. Ранг семейства Абат был значителен, и в шапсугском социуме и во всем адыгском сообществе эту фамилию, как и нутхаевских уорков Сюнико, иногда связывали с верхушкой кабардинского сообщества.

Зависимость горцев-абаза от дома Зановых убывала по мере удаления горских обществ от побережья. Такие общества, как абадзехское Туба или высокогорные шапсугские общества вблизи верховьев рек Западного Кавказа, очевидно, изначально были свободны от жанеевской зависимости. Нелишне вспомнить о преданиях, представлявших весь абадзехский социум и шапсугскую общность хакучи в горах Черноморской Шапсугии сложившимися из переселенцев-тфокотлей [Хан-Гирей 1978: 200; Ольшевский 1895: 266].

Еще раз обратим внимание на то, что к концу XVIII — началу XIX в. зависимость шапсугов о дома Зановых упоминалась только

косвенно, что означало общее признание распада жанеевского владения окончательным, жанеевской власти над частью западных адыгов — эпифеноменом истории, значения самих князей Зановых — номинальным. Реальным содержанием отношений внутри западно-адыгских социумов в это время являлись, во-первых, борьба между горцами-«абаза», которые к этому времени в решающей степени оформились как «вольные» тфокотльские сообщества, и равнинными княжескими социумами-«адехе» (войны аристократических и демократических племен), и, во-вторых, внутренняя борьба в среде абаза между тфокотльскими и уоркскими группами. При характеристике межплеменной вражды отмечается особо враждебное отношение жанеевцам ко всем, кроме шапсугов, и вражда абадзехов с темиргоевцами, а также их столкновения с бжедухами. Кульминацией вражды явилось знаменитое Бзиюкское сражение 1796 г., в котором на одной стороне выступили тфокотли «абаза» (абадзехи, шапсуги и натухаевцы), а на другой — бжедучское войско с примкнувшими к нему дворянскими дружинами. Одной из предпосылок сражения было то, что в шапсугском обществе произошел резкий конфликт дворян Шеретлуковых с тфокотлями, в результате которого Шеретлуковы переселились к бжедухам [Хан-Гирей 1989: 199–207]. Одновременно и сходным образом в своем социуме выступили абадзехские дворяне, предпринявшие усилия добиться статуса пши [Дьячков-Тарасов 1903: 39; Дегоев 1994: 99]. Потерпев неудачу, они также оказались в бжедучском социуме. Если принять во внимание гипотезу Л.И. Лаврова о абазском происхождении бжедухов, предположение Ю.Е. Асанова о родственной связи правителей бжедухов с Жанеевским княжеским домом и прослеженные Н.Г. Волковой изменения проживания бжедухов со смещением их от горной зоны к равнинной, то можно предположить, что Бзиюкская битва: а) поставила точку в процессе раздела западных адыгов на княжеские социумы и «вольные общества», на равнинные и горные социумы; б) обозначила завершение процесса формирования бжедухов как адыхе; в) окончательно обозначила распад жанеевского владения; г) дала толчок к совместному социальному строительству у шапсугов, натухаевцев и абадзехов.

«Мятежи» шапсукских и абадзехских дворян можно рассматривать как часть смуты, возникшей в результате утраты сюзерена в социальном пространстве уже бывшего жанеевского владения (шапсуги) и на его периферии (абадзехи). Дворянам удалось добиться определенного успеха, о чем можно судить по данным старшины Кучерова, собранным для российского военного министра и характеризующим обстановку «накануне демократического переворота». Кучеров писал: «Принадлежащие в высшему дворянству у аристократических племен именуются <...> князьями, <...> у абадзехов же и шапсугов,

натухайцев и убыхов называются первостепенными дворянами, которые почти равняются в правах с князьями. <...> У первых <...> также есть первостепенные дворяне, но они почитаются почти всегда ниже князей и первостепенных дворян последних четырех племен, второстепенные и третьестепенные во всех сих племенах существуют на одних правах» [Леонтович 1882: 119; Бижев 1994: 158].

Побег дворян Шапсугии и Абадзехии именно к бжедухским князьям мог быть продиктован очевидным упадком жанеевского дома, а также тем, что могли сохраняться какие-то древние связи, делавшие уход к бжедухам предпочтительнее, чем к темиргоевцам.

Дворянские мятежи не были основной причиной гибели жанеевского владения, хотя и сопровождали его. На первое место следует поставить выход на арену истории Западного Кавказа горских вольных обществ, ставший явственным с появлением в источниках терминов абадзехи, шапсуги, натухаевцы. Причина их усиления является одним из ключевых вопросов этнографии Кавказа и предметом глубоких споров. В дискуссии о «демократическом перевороте» у адыгов-горцев Северо-Западного Кавказа можно выделить три позиции, объясняющие причины экономического усиления общин тфокотлей: а) развитие буржуазных отношений [Покровский 1958: 200; Раенко-Туранский 1927: 20–21]; б) развитие земледелия [Гарданов 1967: 173]; в) сбыт излишков продуктов скотоводства и военной добычи в социуме, где обозначились основные социальные слои, которым предстояло стать классами феодального общества [Блиев, Дегоев 1994: 108].

В данном месте интересно указать на геополитическую закономерность и последовательность возникновения крестьянских волнений в Евразии. Назовем основные. Восстание Уота Тайлера и волнения 1536–1549 годов и всей первой половины XVII в. в Англии. Жакерия и волнения всей второй половины XVI в. во Франции. Нидерландские бунты XVI–XVIII вв. Крестьянская война (1524–1526) в Германии. Восстания Богдана Хмельницкого (1648–1654) на Украине, Степана Разина (1670) и Емельяна Пугачева (1773–1775) в России [История крестьянства 1996: 38–41, 102–103, 130–132, 344–355]. Анатолийские восстания в Турции (1596–1608), движение Кер-оглу в Азербайджане, крестьянские войны в Китае (1622–1644) и т.д. В XVI–XVIII вв. крестьянские восстания охватили Дагестан [История Дагестана 2004: 367–372], привели к установлению эгалитарно-патриархального строя в Чечне [Исаев 1999: 102–105]. Там, где крестьяне побеждали (например, восстание сикхов и маратхов в конце XVII в. в Индии), наступал реванш общины во всех возможных ее формах. Такой общинный ренессанс можно трактовать как своего рода «азиатский» ответ на начавшиеся в Европе с переходом к Новому времени процессы декрестьянизации.

Основным источником по устройству социума «демократических племен» являются сочинения бжедухского князя из сословия хануко Хан-Гирея «Записки о Черкессии», подготовленные им для российского императора Николая I и для российской администрации на Кавказе. Они содержат многочисленные ценные сведения о различных характеристиках истории и культуры адыгов, а также о социальной структуре адыгских социумов. Именно ему кавказоведение обязано дихотомией «княжеские владения» — «племена, имеющие народное управление». Срез элементов социума, достойных внимания, охватывает при описании княжеских владений ветви княжеских фамилий и первостепенных дворян, а имеющих народное управление — ветви дворянских (также первостепенных) фамилий и фамилий тфокотлей. При описании «демократических племен» автор не дает ссылки на привязку фамилий к рекам (как при описании «аристократических» обществ), но понятно, что именуются всегда только те фамилии, которые владеют пространством в пределах отведенного им права распоряжения, освященного обычаем.

Описание сообщества шапсугов и натухаевцев подчинено дуалистичности и числовой симметрии. Оба социума возводятся к единому предку аравитянину Смену. Его потомки, некогда находясь вместе с предками кабардинцев в Тавриде (Приазовье? Тамань?), отделились от них у р. Шххакоаше (Белой) и под предводительством Абата переселились в место под названием Тххапс. Это место известно и сейчас под названием Тхагапш (Божьи Воды) — сохранившийся шапсугский аул на р. Псезуапсе на Черноморье. Расселившиеся на Черноморье составили общность Ахгутчипсе, делившуюся на шапсугскую — Шапсхг (по Хан-Гирею, от гидронима Шапсуха) и натухаевскую (по Хан-Гирею — по топониму, по нашему мнению — скорее по эпониму Натххо) части. Первоначально в шапсугской половине было три общества: Кобле, Спххапте и Соттохо, а в натухаевской — два: Натххо и Нетдаххо. Позднее к натухаевцам присоединилось общество Хгоае. Все названные группы являются тфокотлями, об участии дворян в структуре Ахгутчипсе речи не идет. Имеющийся текст позволяет предположить, что автор говорит о парности Натххо и Нетдаххо [Хан-Гирей 1978: 202–203]. Не вызывает никакого сомнения, что описание Хан-Гирея представляет дискурс, идеальную конструкцию текста, сначала ассиметричную 3 и 1 и затем 3 и 2, а в результате симметричную, 3 и 3. Возможно, Хан-Гирей поправил конструкцию, но не выдумал ее, так как имеется запись русским разведчиком Г.В. Новицким народного предания, по которому шапсуги состояли из Кобле, Схапете, Гоаго и Соатох, а натухаевцы из Натхо, Хетахо и Гуаие [Новицкий 1829]. Очень близки к тексту Хан-Гирея данные, приводимые Люлье: «До образования своей самобытности Натухажцы и Шапсуги, в числе прочих племен Черноморского по-

бережья, из коих главное было Гуайе, занимали следующие места: а) Натухажцы в урочище Тагапс, в верховьях долины Псезюе или Псезюапе; б) Шапсуги в урочищах Атсейниб и Бебекколайче, в той же долине Псезюе. В это время оба эти народа состояли только из пяти коренных отраслей; 1) Надхо, 2) Нетахо, 3) Кобле, 4) Схапете, 5) Сотох <...> Первые два вошли впоследствии в состав Натухажцев, а последние три — Шапсугов. Впоследствии племя Гоайе вошло в состав Натухажцев <...> В составе Надхо было 29, Нетахо — 19, Кобле — 30, Схапете — 14, Гоаго-Соотох — 21, Гоайе — 17 родов» [Льюль 1857: 228–232].

Существовало еще одно предание, в котором обыгрывается переход от трех к четырем без дуальной симметрии: сообщения о трех братьях — эпических предках: Абадзехе, Убыхе и Шапсуге, от последнего отделился Натхо [Лавров 1936: 127–132].

Между тем Гоаго (Хгоахго) обнаруживается и в описании Хан-Гирея, когда идет речь о структуре шапсугского социума [Хан-Гирей 1978: 206]. Неупоминание общества автором ранее лишний раз подчеркивает его стремление построить идеальную дуально-симметричную модель социума, хотя де-факто описывается дуально-ассимметричная модель.

Дальнейшие числовые построения Хан-Гирея связаны с «соприсяжничеством», объединяющем тфокотльские и уоркские фамилии у шапсугов и натухаевцев. Приводимые союзы показательны с точки зрения числовой символики.

У шапсугов выделяются пять родов дворян, но они образуют группы: три рода союза Абат, один род Шеретлук, один род Немере. С тремя родами Абат связаны 37 родов тфокотльской фамилии Кобле (3×12). Род дворян Шеретлук объединен с двумя группами родов Сшотохх и Хгоахго по одиннадцать в каждой. Также 22 (2×11) рода тфокотлей Сшхапте связаны с дворянами Немери. В группе Абате два дворянских рода с отличными названиями названы отделившимися от Абате, поэтому тройственность Кобле объясняется соприсяжничеством [Там же: 205–206].

У натухаевцев упомянуто десять дворянских родов (2×5), но их структурирование сложнее шапсугского. Указано, что первая группа состоит из шести родов, но «последние пять соприсяжники первого», вторую группу составляют четыре рода. 21 род тфокотлей относится к группе Натххо-Нетдаххо и соприсяжничает с первой группой уорков (поэтому, то, что в группе уорков шесть, а не семь подразделений, указывает на «правду жизни»), в группе Натххо — 12 фамилий, а Нетдаххо — 9. Дуальная симметрия в группе уоркских родов (2×3) дублируется дуальной асимметрией тфокотльских ($12 + 9$). Оба числовых ряда (дворянский и крестьянский) могут быть сопоставлены только, если с каждым из пяти младших дворянских

родов связано по три крестьянских, а со старшим в дворянском союзе родом связаны шесть тфокотльских родов, с ним вместе находятся еще два уоркских рода. Ряды преобразуются в последовательности по соприсяжничествам: $1 \times 6 + 1 \times 3 + 1 \times 3 = 12$ и $1 \times 3 + 1 \times 3 + 1 \times 3 = 9$. Хан-Гирей писал, что род Натххо изначально был многочисленнее. Связь рядов однозначно указывает на то, что крестьянские числа определяют дворянские.

У натухаевцев подсчитаны еще 23 тфокотльских рода, 12 родов составляют группу Хгоае, названную «древнейшими черкесами» и находящуюся в соприсяжничестве с четырьмя дворянскими родами, стоящими последними в их списке. Другие одиннадцать тфокотльских родов «почитаются присоединившимися в последнее время» к группе Натххо-Нетдаххо [Там же: 208–209].

Таким образом, Хгоае (по другим источникам — Гуае) не присоединялись позднее, а всегда были связаны с одной из половин сообщества. Со второй половиной происходили странные преобразования ее структуры, собственно числовой: дворянская составляющая соприсяжничества, разделяясь, сохраняла внешнюю монолитность, крестьянская с присоединением не имеющей общего названия группы родов тфокотлей образовала три группы.

Объединение Гуае вызывает несомненный интерес. Настораживает лексическая близость слов Хгоахго и Хшгоае, особенно в свете того, что Хан-Гиреем при таком же сходстве говорится об объединенной группе Натххо-Нетдаххо. Современные шапсуги склонны вспоминать о Гуае как о местной общности, находившейся на Черноморском побережье в районе Мамедовой щели, т.е. в низовье р. Аше, или как группе, ассоциировавшейся с фамилией Коблевых [Волкова 1973: 67]. К шапсугам еще в XIX в. относить ее был склонен известный российский кавказовед первой половины XX в. А.И. Генко [Генко 1928: 237]. Правда, сегодняшними исследователями со ссылкой на дореволюционные источники предполагается, что Гуае жили рядом с натухаевцами и слились с ними, а к шапсугам переселилась хатукаевская группа Гоаго (Хгоахго) [Половинкина 1999: 89]. Но можно предположить, что по совпадению территории Большого Шапсуга с местом прежнего обитания там хатукаевцев именно эта группа Гоаго как раз оставалась на месте при отходе других хатукаевских групп.

Не вызывает сомнения, что Хан-Гирей в своем описании структур адыгских общностей задавал некий алгоритм идеального общественного устройства, наподобие идеального государства Платона, преподнося социальную организацию адыгов в виде устойчивой нерушимой системы, основанной на числовых принципах и дуализме. Однако вряд ли характеристики этой системы были полностью выдуманы автором. Первым доводом в пользу реальности системы являются

сбои в симметрии и присутствие неудобного в симметрических построениях числа 11, явно неслучайного в описании. Принцип дуализма при этом не отклонялся.

Созданные по числовому принципу коалиции, называемые у Хан-Гирея соприязжничествами (в других источниках — братствами, по-адыгски — *тлеух*), представляют социальную единицу, сущность которой давно вызывает споры среди ученых. Братства рассматривали как наследие глубокой древности и как выросшие из кровнородственной первобытной организации социальные общности, унаследовавшие традиционные установки в области управления [Белл 1974: 66; Гарданов 1967: 253], как сообщества переходного периода при становлении феодальных отношений в момент обострения социального антагонизма [Блиев, Дегоев 1994: 96–98], как классовый союз крестьян против дворян [Хан-Гирей 1978: 210–218; Гарданов 1967 257]. Между тем Хан-Гирей особо подчеркивал, что братства, связывая крестьянские и дворянские роды, превратились в инструмент разрушения этой связи. Следовательно, предложенная им схема отражает состояние сообщества до изгнания первостепенных дворян Шеретлуковых и Бзиюкской битвы, после которой развернулась борьба между тфокотлями и уорками. Ранней границей периода рассмотрения может быть признано время разрушения Зановского владения, что могло произойти в отрезке незадолго до первого упоминания о шапсугах в 1743 г. и до года падения княжеской власти, упомянутого П. Zubовым (1769). Однако отрицать то, что данная схема могла существовать и ранее, оснований тоже нет.

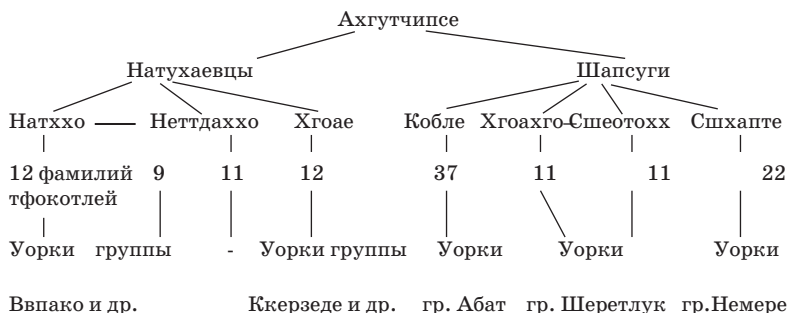
Известно, что для «демократических племен» битва при Бзиуко-Зауо была моментом, открывшим серию общенациональных собраний, на которых решались вопросы социального устройства и проведения реформ. На первом совещании, съезде в Печетнико-зафес в 1802 г. (или 1803 г.), был установлен паритет между дворянскими и тфокотльскими родами, выразившийся в почти равной цене за убийство уорка (30 единиц) и тфокотля (28 единиц). Проблемы равенства решались на съездах в Абидоком ипсын, Зее опша ипсын и Хауше ипсын. Проводились народные собрания и позднее. В 1841 г. был принят так называемый Дефтер (соглашение), определивший в перспективе нескольких лет принцип общего устройства натухаевцев, шапсугов и абадзехов. Находившийся на Кавказе в 1857–1859 годах Т. Лапиньский этот принцип описал следующим образом: «Народности шапсуги и абадзехи разделяются каждая на восемь племен. Из этих восьми племен каждые два родственны между собой и образуют, собственно, одно племя, причем каждое из восьми племен шапсугов состоит в родстве с одним из восьми племен абадзехов. Каждое из племен разделяется на несколько фамилий (тлако-сик), а эти, в свою очередь, — на несколько семей или дворов (юне). Натухаевцев Т. Ла-

пиньский представлял как часть шапсугской народности» [Лапинский 1995: 77–79]. В общем натухаевско-шапсугско-абадзехском союзе схема социального устройства обрела полную законченную симметричность.

Реформы продолжались и позднее. Последним собранием была встреча в 1861 г. на р. Сочи старшин, к участию в которой присоединились и представители убыхов. В провозглашенном четверном союзе вся территория разбивалась на 12 округов, а на низовом уровне составлялись объединения из 100 дворов. Существует мнение, что указанная структура несла на себе отпечаток турецкого влияния в области политических институтов [Фадеев 1935: 174–175]. Очевидно, так можно сказать только обо всей структуре в целом, так как разделение всего общества на 12 единиц могло быть произведено и в соответствии с местным представлением о правильности числовой организации в соответствии с мировым порядком.

Числа 12 и 8 относятся к «правильным», демонстрируя не только наличие симметрии, но и законченность. Та же схема, которая просматривается в описании Хан-Гирея, выглядит динамичнее, а проводившиеся попытки социальных реформ показывают, как динамичность была преобразована в стабильность. Несомненно, ведущим фактором данного процесса была потребность в самоорганизации социума на фоне антироссийского сопротивления горцев Западного Кавказа в XIX в. Но в более раннее время внутренние причины самоструктурирования были более весомы, чем внешние. Тогда Ахгутчипский социум мог строиться на основаниях, в которых сакрализация числового порядка должна была иметь особо важное значение.

Попробуем представить данные, изложенные Хан-Гиреем в виде графа.

В этой схеме есть несколько примечательных моментов. Обращает на себя внимание наличие двух особо крупных и примерно равных по численности входящих в каждый фамилий объединений: Натхо-Неттадххо (33 фамилии) и Кобле (37 фамилий). По сведениям Хан-Гирея, союз составляли Хгоахго и Сшеотохх, что делало их равными группе Спххаште. Если еще раз внимательно прочитать таблицы Хан-Гирея, то можно заметить, что только в трех случаях списки тфокотльских родов начинаются с той же фамилии, которая звучит как название объединения: Натххо, Хгоае и Кобле. Из этого можно сделать вывод, что имеют место три базовых и, очевидно, наиболее древних объединения. О силе этих объединений можно судить и потому, что фамилии Натхо и Коблевых сохранились и в современной Черноморской Шапсугии после всех трагических событий XIX–XX вв. Группа Хгоае, возможно, занимает центральное положение в схеме, что согласуется с мнениям современных западных адыгов, относящих ее то к натухаевцам, то к шапсугам. Люлье считал ее старейшей в Причерноморье.

Корреляция-соприсяжничество дворянских и крестьянских фамилий в нашей схеме выглядит таким образом, что можно сделать вывод: СЕМЬ объединений тфокотлей конца XVIII в. возникли из ТРЕХ более древних фамилий, благодаря союзу с ПЯТЬЮ фамилиями уорков. Можно указать на то, что пятикратность отмечена, по данным Хан-Гирея, в организации княжеских и дворянских объединений в «аристократических» общностях бесленеевцев, мохошевцев, бжедухов, темиргоевцев [Хан-Гирей 1978: 171–181, 185–190; Дмитриев 2002: 72–78]. Таким образом, можно говорить как о разнорядковости числовых объединений тфокотлей и дворян, так и об объединении их в сакральную семичленную композицию. По данной схеме присутствие еще одного фактора (в данном случае, княжеского владения) может иметь только исключительно внешний характер.

При рассмотрении ахгутчипского сообщества, находившегося до «демократического переворота» в отношении соседства — частичного подчинения с жанеевским княжеским владением, как и при рассмотрении связей жанеевского «колена» с его соседями, внимание исследователя концентрируется в пределах трех районов: Малого Шапсуга (на Черноморском побережье от р. Пшады до р. Шахе), Большой Жане (на Черноморском побережье от Тамани до р. Пшада), Большого Шапсуга, или Малой Жане (на Прикубанских склонах по верховьям рек Иль, Абин, Афипсип, Убин.) Эти три области, в которых проходили важные в истории Черноморья и Прикубанья процессы средневековья и древности.

По мнению А.В. Гадло, к началу VI в. на территории Северо-Восточного Кавказа сложились три независимых союза адыгских общин

и племен [Гадло 1986: 22]. Черноморское побережье от Шахе до юга нынешнего Анапского района занимала Зихская конфедерация. Она включала земли собственно зихов (между реками Шахе и Туапсе), ахеев (от Туапсе до Геленджика) и эвдусиан (между Геленджиком и Анапой). Южнее находилась земля абхазоязычных санигов [Лавров 1955: 32–35; Гадло 1979: 74; 2004: 204]. Эту область можно сопоставить с землями ахгутчипсе.

Юг современного Анапского района, левобережье Кубанской дельты и часть закубанской равнины занимала Сагинская конфедерация. Ее население называлось в византийских источниках сугдами, согдианами [Прокопий Кесарийский 1950: 379, 383–384], а этноним сагины, как считал А.В. Гадло, является искаженным греческим наименованием адыгов-шагаков или хегаков [Гадло 1984а: 70–72; Гадло 1984б: 60–65]. На землях древней Синдики у дельты Кубани жили «нижние сугды», в степной части Закубанья, выше дельты, — «верхние сугды» [Гадло 1986а: 10–11]. Данный район составит позднее земли Жанеевского домена и Большого Шапсуга.

В горном Закубанье по притокам левого берега Кубани размещалась Касожская конфедерация. Ее соседями в верховьях Лабы и Зеленчуков были абхазоязычные брухи, на востоке — ови-аланы, на западе — верхние сугды [Епифаний 1909: 275]. Эту территорию можно сопоставить с абадзехскими землями XIX в.

К концу VII в. Зихская конфедерация включила в себя земли приморских сугдов, а Касожская — верхних, на юге они подчинили брухов, но на востоке уступили аланам земли до Лабы, открыв им перевальные дороги с Северного Кавказа на Черноморье [Гадло 1986б: 16, 21].

В зихском приморском селении Никопсис засвидетельствовано образование епархии византийской православной церкви [Гадло 1991: 93–106], хотя по историческим свидетельствам сам зихи слабо поддавались христианизации [Мровели Леонтий 1979: 33].

С 695 г., со времени бегства в Хазарию византийского императора Юстиниана II, дельта Кубани подчиняется Хазарии, в начале VIII в. часть сугдов проникает в Крым [Гадло 1984а: 72; Гадло 1986б: 20].

Предположительно в 70-х годах VIII в. произошло объединение адыгских земель под главенством легендарного князя Инала, опиравшегося, прежде всего, на дружины сугдов-сагинов-шегаков. А.В. Гадло считал, что Инал имел статус наместника хазар в части адыгских земель, подчиненных каганату (Таманский полуостров — Тумен-тархан), и был автономным правителем адыгских племен. Иналу удалось подчинить себе горские племена и осуществить экспансию на юг до границ Абхазского царства. Мир с Абхазией был заключен на реке Бзыбь [Гадло 1978: 25–33; 1986б: 21–23]. После распада державы Инала южная граница адыгских союзов сдвинулась на север,

в результате Никопсис в 830-е годы упоминается как пограничная между Авагсгией и Зихией крепость [Константин Багрянородный 1989: 174–177]. В списке епископских кафедр Константинопольского патриархата конца VIII — начала IX в. Никопсис приписывался Авагсгийской патриархии [Гадло 1986б: 21–24].

Для более раннего времени также отмечено наличие данных территорий как ареалов представленности типов западно-кавказских дольменов, мегалитических погребальных памятников, отмеченных на Черноморье от Анапы (по некоторым предположениям от Тамани) до р. Кодор и на соответствующих Прикубанских склонах Западного Кавказа от р. Убина до Малой Лабы. На землях Большого и Малого Шапсуга концентрируется архитектура памятника, выбитого из скального массива с различными видами имитации деталей, вплоть до создания фальшивого фасада. Севернее р. Пшада отмечены памятники, стены которых выполнены из отдельных блоков. В противоположность им дольмены, составленные из цельных пяти плит, включая покровную, типичны для горного Закубанья и Абхазии. В горном Закубанье основная концентрация дольменов наблюдается по рекам Фарс, Белая, Ходзь и далее до Малой Лабы, что близко к ареалу абадзехской общности XIX в. Впервые локальные ареалы распространения дольменов были выделены В.М. Сысоевым, обратившим внимание на их концентрацию. Им были выделены близкий по месту к землям Большой и Малой Және Анапско-Пишиский район, Белореченско-Лабинский район в горном Закубанье. Черноморские памятники он объединил в единую группу в пределах от р. Сукко (у г. Анапа) и до р. Псеуапсе. [Сысоев 1904: 126–127]. Почти веком позднее, опираясь на статистические сопоставления размеров деталей дольменов, А. Резепкин подтвердил выделение Белореченско-Лабинского района, расширив его от Малой Лабы до Псекупса. Он также выделил ареал от рек Абина-Убинки до Тамани, что идентично области Большой Шапсуг — Малая Және, Абхазский от р. Хипста до южной оконечности всей дольменной территории, район у р. Пшада и так называемый Туапсинский район от р. Туапсе до сел. Гантиади [Резепкин 1982: 32–38]. Указав на близость дольменов Пшады и Абина, он приблизил Пшадский ареал к территории Большого Шапсуга, а то, что исследователь назвал Туапсинским районом, может быть понято как Малый Шапсуг с некоторым его расширением к югу за счет тех земель, которые в XIX в. занимали убыхи и садзы, составлявшие мост между адыгами-абаза и абхазами.

Сопоставление ареалов древности и нового времени не должно иметь прямого однозначного прочтения. На настоящее время проблема связи носителей дольменной культуры и адыгского или адыго-абхазского населения хотя и дебатруется, но далека от разрешения

в силу отсутствия научного аппарата. Между тем привлеченное сопоставление этнографического и археологического пространств позволяет проводить необходимую аналогию.

Библиография

Анчабадзе З.В. Социальное положение тфокотлей и их классовая борьба в адыгейском обществе первой половины XIX в. // Труды Института истории им. И.А. Джавахишвили АН Груз. ССР. Тбилиси, 1956. Т. II.

Асанов Ю.Н. Родственные объединения адыгов, балкарцев, карачаевцев и осетин в прошлом. Нальчик, 1990.

Аутлев М.Г., Лавров Л.И. Прошлое и настоящее Шовгеновского аула // Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области. М.; Л., 1964. С. 7–58.

Багрянородный Константин. Об управлении империей. М., 1989.

Белл Дж. Дневник пребывания в Черкессии в 1837, 1838, 1839 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 458–530.

Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х — начале 30-х годов XIX в. Майкоп, 1994.

Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 353–434.

Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.

Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и дополненные Семеном Броневским. М., 1823.

Брун Ф. Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1877. Т. IX.

Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия народов Северного Кавказа. М., 1973.

Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX вв. М., 1974.

Гадло А.В. Князь Инал адыго-кабардинских родословных // Из истории феодальной России. Л., 1978. С. 25–33.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.

Гадло А.В. К этнической истории адыгских племенных объединений (сагины-шегаки) // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Майкоп, 1984а. С. 71–73.

Гадло А.В. История адыгского племени шегаков и вопрос о начальном этапе формирования адыгской народности // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982–1983 гг.: Тез. докл.. Черновцы, 1984б. Ч. 2, С. 60–65.

Гадло А.В. Об одном средневековом названии адыгов // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Апрель 1985 г. Л., 1986а, С. 10–11.

Гадло А.В. Основные этапы и тенденции этносоциального развития этнических общностей Северного Кавказа в период раннего средневековья // Вестник ЛГУ. 1986б. Серия 2, вып. 1. С. 11–24.

Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и Византиноведения / Под ред. Г.Л. Курбатова. Л., 1991. С. 93–106.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994.

Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004.

Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967.

Генко А.Н. О языке убыхов // Известия АН СССР, Л., 1928, VII сер., отд. гуманитарных наук.

Гильденштедт И.-А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002.

Главани К. Описание Черкессии, данное Ксаверио Главани, французским консулом и первым врачом хана в Бахчисарае, 20 января 1724 г. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 156–173.

Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. СПб, 1829.

Джовани де Лукка. Описание перекопских и ногойских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люкка, монаха Доминиканского ордена 1625 // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 58–72.

Дмитриев В.А. Пространство и время в традиционной культуре народов Северного Кавказа. The Mellen Press, 2002.

Дзячков-Тарасов А.Н. Абадзеги // Записки Кавказского отдела Императорского Географического общества. 1902. Тифлис, 1902. Кн. XXII, вып. 1.

Епифаний. Хожение Апостола Андрея в стране мирмидонян // Васильевский В.Г. Труды. 1909. Т. 2, вып. 1.

Зубов П.А. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель // Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2001. Т. 2, С. 9–60.

Исаев С.-А. Крестьянство и социально-экономическое развитие Чечни в XVIII — середине XIX в. // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999. С. 102–112.

История Дагестана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. А.И. Османов. М., 2004. Т. 1.

1986: История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма / Отв. ред. Ю.Ю. Кахк. М., 1986. Т. 3.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М., 1988.

Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы: В 2 т. М., 1957.

Каменев Н. Бассейн Псекупса // Кубанские войсковые ведомости.. 1867. № 5.

Клапрот Г.Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 235–280.

- Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974.
- Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI — 30-е годы XVII в.) М., 1963.
- Лавров Л.И. Адыги в раннем средневековье // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1955. Вып. 4. С. 19–64.
- Лавров Л.И. Обезы русских летописей // СЭ. 1946. № 4. С. 151–170.
- Лавров Л.И. Из поездки в Черноморскую Шапсугию летом 1930 г. // СЭ. 1936. № 4–5. С. 121–134.
- Лавров Л.И. К истории бжедухов и жанеевцев // Ученые записки Адыгейского НИИ языка, литературы и историю. Краснодар, 1965, Т. IV. С. 247–250.
- Леонтович Ф.И. Адаты Кавказских горцев. Одесса, 1882.
- Люлье Л.Я. Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми черкесами (Адиге), абхазцами (Азеге), и другими смежными с ними // ЗКОИРГО. Тифлис, 1857. Кн. IV. С. 173–193.
- Люлье Л.Я. Черкессия. Историко-этнографические статьи. Киев, 1991.
- Мровели Леонтий. Жизнь картлийских царей. Извлечения сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. Г.В. Цулая. М., 1979.
- Новицкий Г.В. Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе // Тифлиссские ведомости. 1829. № 22.
- Ногмов Ш.Б. История кабардинского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1982.
- Ольшевский М.Я. Записки о Кавказской войне с 1854 по 1866 г. // Русская старина. СПб., 1895. Октябрь.
- Паллас П.С. Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 214–224.
- Покровский М.В. Адыгейские племена в конце XVIII — первой половине XIX в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1958. Т. II. С. 91–138.
- Половинкина Т.В. Черкессия — любовь моя (древнейшее время — начало XX в.). Майкоп, 1999.
- Прокопий Кесарийский. Война с Готами / Пер. Кондратьева. М., 1950.
- Раенко-Туранский Я.Н. Адыге до и после Октября. Краснодар, 1927.
- Резепкин А.Д. О распространении дольменов Западного Кавказа // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1982. Вып. 169. С. 32–38.
- Сивер А.В. Социальное устройство как фактор этнической идентификации адыгов-шапсугов // ЭО. 2003. № 4. С. 49–62.
- Сношения России с Кавказом Материалы, извлеченные из Московского Главного архива министерства иностранных дел С.А. Белокуровым. 1578–1612 гг. М., 1889. Вып. XLIII.
- Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1910. Т. XXI.
- Султан-Крым Гирей. Сефир-паша, князь шапсугский // Кубанские областные ведомости. 1865. № 46.
- Сысоев В.М. Археологические экскурсии по Закубанью в 1892 г. // Материалы по археологии Кавказа. 1904. Т. IX. С. 89–169.
- Теофил Лапинский. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995.

Фадеев А.В. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Исторический сборник. 1935. Т. 4. С. 135–181.

Фелицын Е.Н. Князь Сефер-бей Зан // Кубанский сборник. 1904. Т. 10. Хан-Гирей. Записки о Черкессии. Нальчик; 1978.

Хан-Гирей. Бесльный Абат // Черкесские предания. Нальчик, 1989. С. 199–247.

Хан-Гирей. Князь Пшьской Аходягоко // Черкесские предания. Нальчик, 1989. С. 248–279.

Челеби Эвлия. Книга путешествий. М., 1979, Вып. 2.

Юлиан. Рассказ Римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев, совершенное перед 1235 годом, и письма папы Венедикта XII к хану Узбеку, его жене Тайдолю и сыну Джанибеку в 1340 году... // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 32–33.